

Глава 9

Цяо Си ждал у повозки, пока солнце не село, прежде чем дядя Цинь наконец вернулся.

Ещё издалека он увидел его. Дядя Цинь вытащил платок, вытер пот со лба и ухмыльнулся: «Долго ждал?»

- Нет, - быстро замахал рукой Цяо Си. - Я только что пришёл.

Уже темнело, и если бы они не тронулись в путь сейчас, скоро стемнело бы совсем. Дядя Цинь ловко запрыгнул в повозку и направил её обратно. По дороге Цяо Си угощал его всеми сладостями, которые только что купил. У дяди Циня был хороший аппетит, он ел всё, что ему предлагали, и явно пребывал в прекрасном расположении духа.

Цяо Си заметил, что дядя Цинь обмотал правую руку полосой ткани, похоже, оторванной от собственной одежды. Он небрежно спросил: «Дядя Цинь, вы поранились?»

Дядя Цинь жевал кусочек персикового печенья, правя повозкой, и усмехнулся: «Я случайно поцарапался, работая у хозяина. Ерунда».

Он улыбался, отвернувшись от Цяо Си, но в глазах его не было и тени улыбки.

Эта рана, конечно, была не от неосторожной царапины, а от ссадины, которую он получил, когда избивал того негодяя ранее. Рана была несерьёзной, но отвратительной. Он с раздражением посмотрел на неё, оторвал кусок одежды, чтобы перевязать, и сделал вид, что ничего не заметил.

Изначально он не планировал причинять неприятности сюаю Хэ так скоро, но тот дурак сам наткнулся на него.

Поэтому он и не хотел, чтобы Цяо Си ездил в город, - боялся, что они могут столкнуться.

Но, к счастью, он последовал за ним. Если бы Цяо Си пришёл один и его бы спровоцировали, он мог бы лишиться жизни.

Цяо Си ничего не заподозрил. Он то и дело поглядывал на повязку, не зная, обработали ли рану дезинфицирующим средством, и сказал: «Вам всё равно стоит показаться доктору Линю, когда вернёмся, правда?»

- Ах, ерунда! - громко рассмеялся дядя Цинь. - Я крепкий, выносливый. В молодости я получал и более серьёзные ранения, но не умер же!

Всего за один день Цяо Си проникся симпатией к этому добродушному и прямолинейному дяде и даже пошутил: «Судя по голосу, вы не намного старше меня. Почему же вы настаиваете, чтобы я называл вас дядей?»

- Ха-ха-ха... Сюа Цяо, ты становишься всё более обворожительным в своих речах. Но я уже не молод - тридцать один год!

Цяо Си прикинул и понял, что дядя Цинь всего на десять лет старше него. «Тридцать один - это вовсе не старость! Отныне я буду называть вас "Гэ"!»

- Называй как хочешь, - казалось, дядя Цинь любил смеяться.

Цяо Си нравилось разговаривать с такими людьми – прямолинейными, без лишних хитростей. С ними он чувствовал себя совершенно свободно.

Когда стемнело, они наконец благополучно вернулись в деревню.

Цяо Си спрыгнул с повозки, намереваясь сам отнести всё домой, но дядя Цинь, увидев его худые руки и ноги, молча взял все вещи из повозки и занёс во двор. Он также вежливо отказался от приглашения Цяо Си остаться на ужин.

– В следующий раз, – сказал дядя Цинь, зевая. – Сегодня я слишком устал. Много работал для хозяина, сейчас хочу только одного – крепко выспаться.

Он махнул рукой, собираясь уходить, но Цяо Си настоял на том, чтобы сунуть ему в руки немного еды в благодарность за то, что он отвёз его в город.

Дядя Цинь не стал церемониться и, ухмыльнувшись, взял угощение. Когда он уже собирался уходить, Цяо Си вдруг окликнул его: «Дядя Цинь!»

– Что? – обернулся тот, и Цяо Си, помедлив, покачал головой. – Ничего. Иди осторожно.

Дядя Цинь не стал отказываться и пошёл обратно при свете луны. На полпути он вдруг почувствовал, что что-то не так. Он открыл сумку и пошарил внутри. И точно — он обнаружил несколько серебряных монет: это было то самое серебро, которое он ранее насильно всучил Цяо Си.

При лунном свете дядя Цинь, глядя то на блеск монет в своей руке, то по сторонам, внезапно усмехнулся.

— Ах ты маленький проказник. Всё ещё не желаешь быть никому обязанным».

Тем временем Цяо Си был занят тем, что таскал рис и муку на кухню, обливаясь потом.

У этого тела была такая плохая выносливость – после малейшего движения он задыхался, и ноги подкашивались. Это было ничто по сравнению с его прежним «я», которое могло пробежать полный марафон, не вспотев.

Приведя всё в порядок дома, Цяо Си твёрдо решил заняться своим физическим здоровьем. Иначе он будет подхватывать простуду или болезни при малейшем дуновении ветра. Деньги – это одно, но в древности медицинские условия были плохими, и он слышал о людях, умиравших от обычной простуды.

Цэньэр выбежал из комнаты, кружась вокруг Цяо Си, как маленький кролик. «Си-гэ, ты вернулся?!»

– Мм, – Цяо Си отряхнул пыль с рук и небрежно протянул ему бумажный свёрток. – Ужин будет скоро. Можешь пока перекусить этим.

Цэньэр уловил сладкий аромат, доносившийся из свёртка, и взволнованно спросил: «...Это правда для меня?»

– Я такое не ем. Это просто детские сладости, – ответил Цяо Си, моя руки, зажигая керосиновую лампу на кухне и начиная готовить простой мучной суп, чтобы перебиться. Всё

остальное он приберёт завтра.

Когда Цэньэр получил подтверждение, он пришёл в восторг. Он быстро развернул свёрток, достал кусочек хвороста в сахарной глазури, но вместо того чтобы съесть его, протянул Цяо Си. «Си-гэ, ты ешь!»

Цяо Си не любил сладкое, но, увидев сияющие глаза Цэньэра, смотрящие на него, он нехотя откусил кусочек. «Неплохо».

- Я и дяде дам попробовать! - Лицо Цэньэра покраснело от волнения, он развернулся и побежал обратно в комнату со свёртком, чуть не споткнувшись на бегу.

Цяо Си крикнул ему вслед: «Осторожнее!»

Эти сладости были недешёвыми, и если бы он их уронил, Цяо Си пришлось бы отчитать его сегодня вечером.

В тёмной комнате Шэнь Игуан настороженно прислушивался. Он знал, что Цяо Си ушёл рано утром, но не ожидал, что его не будет целый день. Их обед принесла соседка, сказав, что Цяо Си поехал в город по делам.

Шэнь Игуан не был полностью лишён сомнений. Он был беспокоен весь день.

Он боялся, что его ложь не выдержит проверки, и подозревал, что Цяо Си что-то заподозрил, поэтому ушёл, не сказав ни слова, - возможно, чтобы сообщить властям.

В его голове проносились бесчисленные мысли, и он уже подготовил план на случай, если появятся чиновники. Он даже продумал путь к бегству.

Хотя он мог сказать, что Цяо Си не был таким человеком, Шэнь Игуан прошёл через слишком много опасностей, чтобы доверять кому-либо. Он не мог позволить себе рисковать и уж точно не мог поставить жизнь принца, будущего наследного принца, на чужую доброту.

К счастью, воображаемая сцена, где чиновники выламывают дверь, так и не произошла. В реальности они провели целый день в покое. Сосед по фамилии Шань даже стучал в дверь два или три раза, чтобы спросить, не нужна ли им помощь.

Однако, когда небо потемнело, Цяо Си всё ещё не вернулся.

Шэнь Игуан, помимо подозрений, также чувствовал некоторое беспокойство.

По словам Шань-Дагэ, дорога в город была трудной, и без провожатого малейшая ошибка могла привести к падению со скалы - тело тогда и не найдут, или, что ещё хуже, можно было встретить дикого зверя, который мог бы их сожрать.

Чем больше он слушал, тем тревожнее становилось Шэнь Игуану.

Если с Цяо Си что-то случится, он и Цэньэр потеряют единственное место, где они могут укрыться.

Более того...

Цяо Си был их благодетелем. Даже если он действительно пошёл сообщать властям, он не сделал ничего плохого, и Шэнь Игуан никогда не стал бы держать на него зла.

Он лишь надеялся, что Цяо Си вернётся целым и невредимым, что бы ни случилось.

С этими сложными мыслями в голове Шэнь Игуан заставлял себя не спать, отказываясь ложиться, твёрдо решив дождаться возвращения Цяо Си.

К счастью, Цяо Си действительно вернулся. Как только он услышал голоса в доме, Шэнь Игуан дождался, пока человек уйдёт, и позволил Цэньэру выйти.

Цэньэр вернулся, держа маленький свёрток с хворостом, взволнованно рассказывая, что Си-гэ специально принёс их и хотел, чтобы он тоже попробовал.

Шэнь Игуан не любил сладостей и из-за своего знатного происхождения отказывался их есть, притворяясь, что из-за травм не может есть такое сладкое, и так ему удалось уговорить Цэньэра съесть их самому.

Его взгляд устремился наружу, где было совершенно темно. Он мог лишь смутно различать тени лунного света на стене, и его сердце постепенно успокаивалось.

Вскоре в комнату проник аппетитный запах, заставивший пустой желудок Шэнь Игуана заурчать.

В следующее мгновение в комнате стало немного светлее.

Цяо Си вошёл, держа масляную лампу. Маленькое пламя осветило его лицо, делая и без того красивые черты ещё более мягкими и неземными. Шэнь Игуан на мгновение остолбенел, не в силах прийти в себя.

В этот момент Шэнь Игуан искренне почувствовал, что ни один знатный вельможа во всей столице, каким бы высокопоставленным он ни был, не мог сравниться с Цяо Си по красоте.

Цяо Си не заметил взгляда, устремлённого на него. Поставив лампу, он быстро вернулся на кухню и принёс большой горшок мучного супа. Он щедро налил всем по большой миске, а в качестве гарнира к ужину подали хрустящие пирожки, купленные в городе.

Цэньэр, который съел сладкий хворост, всё ещё был голоден и схватил миску с супом, пил его, не обращая внимания на горячую температуру, едва отрываясь, чтобы перевести дух.

Шэнь Игуан, покраснев, отказался от предложения Цяо Си покормить его. Он упрямо держал свою миску другой рукой, которая была не так сильно ранена, не смея поднять взгляд на лицо Цяо Си.

Когда Цяо Си окликнул его несколько раз, Шэнь Игуан понял, что, как дурак, смотрел на лицо Цяо Си, и ему стало ужасно стыдно, он хотел провалиться сквозь землю.

К счастью, в комнате было тускло, поэтому Цяо Си, вероятно, не заметил его смущения.

Иначе... иначе...

Хотя Цяо Си не был знатным человеком, Шэнь Игуан, как принц, смотрел на него, что было крайне неподобающе и оскорбительно. Его можно было бы легко назвать «похотливцем», не отличающимся от тех легкомысленных юнцов на улицах.

Это заставило гордого, дисциплинированного молодого господина почувствовать глубокий стыд.

Его постыдные мысли рассеялись после того, как он попробовал суп. Ароматный, дымящийся суп был невероятно успокаивающим. Сделав глоток, Шэнь Игуан почувствовал облегчение, и его пустой желудок был удовлетворён, так что он чуть не прикусил язык.

Это было не просто его воображение, потому что Цяо Си вырос, готовя вместе со своим дедушкой. К восьми годам он научился готовить самостоятельно. Позже, в колледже, он работал в столовой, перенимая секреты у шеф-повара. Он мог легко приготовить множество разнообразных вкусных блюд.

Из-за этого его соседи по общежитию все обожали его и часто умоляли приготовить для них еду.

Хотя он не хвастался многими вещами, Цяо Си был уверен в своих кулинарных способностях. Даже несмотря на то, что древние приправы не были такими разнообразными, как современные, это его не смущало.

После ужина Цяо Си вздохнул, принимаясь мыть посуду. Холод поздней осени заставлял его руки дрожать во время мытья, они краснели от ледяной воды. Ему приходилось то и дело останавливаться, чтобы согреть их дыханием, прежде чем продолжить.

Завтра он пойдёт в горы за хворостом. Кто захочет умываться и чистить зубы холодной водой в такую погоду?

От холода у него стучали зубы, но он всё же справился с посудой. Быстро ополоснувшись, он вернулся в комнату, взял одеяло и уже собирался лечь на пол.

Однако Цэньэр внезапно выбежал. Спустя некоторое время он вернулся, весь влажный от водяного пара.

Он помнил, что Цяо Си ругал его за грязь прошлой ночью, поэтому на этот раз он специально вымыл руки и ноги, прежде чем вернуться, и стоял в стороне, выглядя встревоженным, как будто боялся, что Цяо Си всё равно будет недоволен.

Цяо Си взглянул на мокрые штанины Цэньэра, с которых капала вода, и вспомнил ледяную колодезную воду. По какой-то причине он вдруг почувствовал укол жалости.

- Зачем ты мыл ноги в такой холодной воде?!

- Если простудишься, я не буду тратить деньги на твоё лечение!

Он ругался, но при этом быстро притянул Цэньэра к себе, снял с него мокрую одежду, укутал в одеяло и только потом лёг сам.

В ночной темноте Цэньэр тихо прижался к нему, крепко вцепившись в угол его одежды, очень послушный.

Цяо Си не оттолкнул его и тихонько хмыкнул.

Дети и правда были хлопотными.

<http://bllate.org/book/17973/1727318>